

Через пять дней Цю Ибо и другие, включая Тань Хуа, были выпущены из храма. От министерства чинов пришел императорский указ, назначающий Цю Ибо академиком Ханьлинской академии с должностью судьи Да Ли Си (Верховного суда) седьмого ранга. Если не будет особых распоряжений, местом его службы отныне станет именно Да Ли Си. Грубо говоря, это Верховный суд государства Чжумин, а его должность предполагает вынесение приговоров по уголовным делам. Так что, округляя, теперь он – новоиспеченный судья Верховного суда.

В первый же рабочий день Цю Ибо идеально продемонстрировал, что значит «чашка чая, пачка табака и роман на целый день» – в Да Ли Си царило полное спокойствие. Гражданские споры обычно разрешались в Интяньфу, а дела между чиновниками, как правило, решались высочайшим указом, так что к Да Ли Си они отношения не имели. Максимум – содержали пару провинившихся чиновников под стражей, ожидая казни осенью.

Да, и даже семьи осужденных чиновников не удостоивались чести отбывать наказание здесь.

А сейчас как раз была осень, всех, кого нужно, уже казнили, и во всем Да Ли Си витал дух расслабленности.

Да Ли Си Чэн (главный судья) – добродушный полноватый мужчина средних лет – появился только в момент регистрации Цю Ибо и любезно объяснил ему его обязанности: в свободное время разбирать старые судебные архивы.

Что касается коллег, то после полудня их уже не было видно, и казалось, что во всем Да Ли Си остался только он один. Цю Ибо не спешил уходить и, раз уж никого не было, принялся читать архивы как романы. Он думал, что жизнь будет идти так же мирно, но на второй день случилось крупное дело.

Дело в Цяньхэфу не удалось замять. Реакция Яньцзина оказалась слишком медленной, и когда Ван Гэлао лично отправился в Цяньхэфу, сдержать распространение оспы было уже невозможно. Хотя, строго говоря, винить Яньцзин в медлительности нельзя.

Цяньхэфу находился не слишком далеко от Яньцзина, но и не близко. Река Вэй соединяла оба места, и на лодке из Цяньхэфу в Яньцзин можно было добраться чуть больше чем за две недели. Расположенный в глухом юго-западном углу, регион, несмотря на протекающие через него реки Цяньхэ и Вэйхэ, оставался бедным. Большая часть пахотных земель и водных ресурсов сосредоточилась вдоль речных берегов. Но в наши времена пахотные земли у больших рек – не благо, а риск: в сезон дождей часты наводнения, а центральные районы страдают от засухи. Как говорится в старой поговорке: «Где густо, где пусто».

Два года подряд стояла невыносимая жара, окончательно разрушив хрупкий баланс, который Цяньхэфу и окрестности с трудом поддерживали. После большого бедствия неизбежно приходит эпидемия. Слишком много людей умерло, и все, что можно было съесть, было съедено – даже то, что есть нельзя. Так и вспыхнула эпидемия.

Сначала чиновники Цяньхэфу тщательно скрывали правду, докладывая, что, несмотря на бедствие, благодаря своевременной помощи правительства ситуация под контролем. На самом же деле в Цяньхэфу царил голод, земля была усеяна трупами, а деревни опустели. Все войска были стянуты к границам Цяньхэфу, и любой беженец, пытавшийся покинуть регион, уничтожался на месте. Что касается продовольственной помощи, она оседала в карманах чиновников.

Узнав о визите Ван Гэлао, чиновники Цяньхэфу поняли, что их ждет казнь с конфискацией

имущества и уничтожением всего рода. Они фактически поместили Ван Гэлао под домашний арест, а затем и вовсе предложили ему присоединиться к ним. В случае отказа они грозились объявить, что он скончался от болезни. Если бы не богатый опыт Ван Гэлао, который сумел выиграть время и отправить гонца в Яньцзин, возможно, о трагедии в Цяньхэфу никто бы и не узнал, пока регион не опустел бы полностью.

Но даже экстренная доставка сообщения по официальным каналам из Цяньхэфу в Яньцзин заняла десять дней. А поскольку почтовые станции были подкуплены, гонец не мог открыто назвать себя, и до столицы он добрался только через восемнадцать дней.

Действия чиновников Цяньхэфу были равносильны мятежу. И даже мятеж не вызвал бы у императора Цзэ такого гнева. Он немедленно приказал помощнику государя отправиться в Цяньфу с десятью тысячами отборных солдат, чтобы казнить коррумпированных чиновников и спасти народ.

Даже в наше время, когда оспа уже побеждена, вылечить ее непросто. А в эпоху без антибиотиков, когда простые люди едва сводят концы с концами, смертность была пугающе высокой. Тем более в Цяньхэфу, где два года подряд не было урожая и люди умирали от голода.

Помощник государя, естественно, не нашел эффективного решения. Больных собрали в одном месте, давали им отвары и похлебку, а дальше – как повезет. Продовольственной помощи не хватало, и кто бы ни занимался распределением, пришлось бы выбирать: спасти тех, кто еще здоров, и предотвращать распространение оспы. А способ был только один: собрать, сжечь трупы, сжечь деревни.

Вскоре более десятка чиновников во главе с губернатором Цяньхэфу были доставлены в Яньцзин. Дальше все было просто: их привезли в Да Ли Си, где главный судья вынес приговор, а Цю Ибо и другие наблюдали за процессом. Конфисковали имущество, уничтожили род, и даже не стали ждать осени – сразу вывели на площадь Умэнь и казнили, а тела вывесили на городских воротах Яньцзина для всеобщего обозрения. Прохожие плевали и проклинали их.

После этого дела, даже несмотря на то, что Цю Ибо лишь присутствовал на слушаниях, он чувствовал себя измотанным. После казни он сел в повозку и отправился домой. Да, он переехал в бывший особняк семьи Чжан на Восточной Второй улице, который теперь назывался особняком Цю. Поскольку в Яньцзине уже был один особняк Цю – резиденция канцлера Цю, его дом стали называть Особняком Чжуан Юаня (первого на экзаменах) или Особняком Вэнь Цюй (литературного гения).

Он не мог объяснить, зачем переехал жить один. Просто однажды ему надоело жить с Цю Ланьхэ, да и возвращаться в родовое поместье не хотелось. Так он и оказался в купленном, но никогда не посещавшемся особняке.

Он боялся встречи с Цю Ланьхэ. И не только с ним – с дядей, тетей... Со всеми, кто носил фамилию Цю.

Не знаю почему, просто не хотелось.

– Господин, мы приехали, – тихо напомнил Вэнь Жун.

Цю Ибо сидел в повозке с закрытыми глазами. Вэнь Жун окликнул его пару раз, но, не получив ответа, не осмелился спрашивать снова и просто стоял рядом.

Этот кризис, казалось, накатывал волнами. В последнее время он снова начал вести себя

странно. Он ведь договорился с собой, что поможет Цю Ланьхэ осуществить его мечту, что, если устанет, сможет путешествовать и делать все, что захочет. Даже если не преодолеет этот барьер, он проживет пятьсот лет... Но сейчас проблема была в том, что у него не было интереса.

Ни к путешествиям, ни к вкусной еде, ни даже к чтению новых глав романа, за которым он раньше следил с одержимостью. Он пытался заставить себя читать, но через несколько страниц понимал, что не воспринял ни слова... Все вокруг казалось ему пресным.

Прошло много времени, прежде чем Цю Ибо вышел из повозки. Он был закутан в теплый плащ, в рукаве держал грелку.

- Не следуйте за мной, я прогуляюсь один, - распорядился он.

Мянь Хэ знал, что Цю Ибо в состоянии постоять за себя, и не настаивал на сопровождении. Он колебался мгновение, затем снял с пояса кошелек:

- Возьмите немного серебра, господин, на всякий случай.

- Хм, - Цю Ибо машинально сунул кошелек в рукав и отправился бродить по улицам.

Из-за праздников улицы были полны народу. Хотя многие иногородние купцы уже отправились домой, в Яньцзине по-прежнему было полно торговцев. Возможно, из-за праздников товары выглядели лучше обычного: масло и сахар не жалели. Хотя в каждом доме готовили жареные сладости и мясо, всегда находились те, кто шел в гости или не успевал приготовить сами, так что торговля шла бойко.

Цю Ибо не обращал внимания на грязь, прилипшую к его дорогому плащу. Он подошел к ларьку с жареными хлебцами и купил два ломтика, хрустящих и покрытых карамелизированным сахаром. Когда продавец не смог дать сдачу, он махнул рукой и медленно ел хлеб, густо пропитанный маслом и покрытый коричневой сахарной корочкой. Аромат был восхитительным, но во рту он ощущался как пенопласт или песок.

Никакого вкуса, даже обычного хлебного.

Цю Ибо откусил пару раз и отложил хлеб. Теперь он не сомневался, что это кризис. Он подозревал, что подхватил какую-то болезнь, из-за которой потерял вкус.

Он мысленно поднял температуру тела на тридцать градусов, решив продержаться так час.

Медленно идя вперед, он вдруг осознал, что раньше был слишком самоуверен. «Если не можешь преодолеть кризис, значит, сам себе усложняешь» - так можно рассуждать, только пока проблема тебя не коснулась.

Как сейчас. Он все прекрасно понимает, у него есть цель, но нет сил.

Это просто пиздец какой-то.

Цю Ибо отдал хлеб нищему на углу и огляделся. Вокруг женщина прикалывала дочери к волосам искусственный цветок, у чайной рабочие громко смеялись, ожидая заказов, ученые спешили по делам... Казалось, у всех были близкие, они реально жили здесь, старались ради жизни, семьи... А он?

Цю Ибо вдруг почувствовал, что голова стала тяжелой, а ноги – ватными. На мгновение перед глазами потемнело. Он ухватился за стену, чтобы не упасть.

Что за бред? У него же есть родные и друзья, просто сейчас они далеко. Если захочет, он может прийти до родового поместья за одну улицу, где живет вся его семья. Или, если этот кризис так достал, сесть на летающий корабль и через пять дней быть в Линсяо или Байлянь. С чего бы ему чувствовать себя «одиноким»?

Он услышал собственный голос в голове:

Какие родные и друзья? Они даже твоих шуток не понимают, они не знают, о чем ты.

Цю Ибо подумал: ну и что? Разве из-за того, что его отец не понял мем «твой папа устал» и гонялся за ним с вешалкой через три улицы, он перестал быть его отцом?

Если бы он был таким человеком, его отец мог бы сразу родить кусок жареного мяса.

- Если это демон сердца, то он просто жалок.

Цю Ибо почувствовал, что стал немного яснее понимать себя, и неспешно пошел домой. Кто сказал, что никто не понимает его шуток? Есть же Бо'Эр. Если Бо'Эр в отъезде, он может создать еще несколько клонов, разбить их на пары и заставить целую неделю рассказывать себе стендап.

Рано утром, когда еще не рассвело, слуга постучал в дверь, чтобы разбудить его на службу. Цю Ибо подумал, что раз в Да Ли Си все равно ничего не происходит, можно и не отпрашиваться. Он знал меру – поспит еще немного и проснется, максимум опоздает, но ничего страшного.

Но в тот день действительно случилось ЧП.

Цю Ибо поспешил в Да Ли Си и поднялся в зал суда. На коленях перед ним сидел оборванный, грязный молодой человек. Больше всего бросалось в глаза то, что ниже пояса его одежда была пропитана кровью, а под ним образовалась лужа.

За это время Цю Ибо хорошо изучил законы. В Да Ли Си жаловались только на чиновников – простые люди не шли в Интяньфу с исками против власть имущих. Теперь он понимал, почему тот судья Интяньфу так нервничал: Цю Ибо следовало подавать жалобу на министра обороны именно в Да Ли Си, а не в Интяньфу. Тогда он просто воспользовался своим положением, чтобы заставить судью проглотить обиду.

Подавая в Да Ли Си на чиновника, независимо от обоснованности иска, сначала полагалось получить пятьдесят ударов палками. Это делалось для того, чтобы люди не заваливали суд жалобами на высокопоставленных лиц. Если бы каждый день вызывали на допрос нескольких чиновников, как бы работали все ведомства? Только после пятидесяти ударов можно было доказать, что у истца действительно есть претензии, и он готов рискнуть жизнью.

Это не касалось Цю Ибо. Если простолюдин подавал на чиновника, сначала били, потом допускали в зал суда. Иначе он даже не доходил до зала. Цю Ибо пришел рано, но по действующему законодательству эти пятьдесят ударов мог отменить только чиновник третьего ранга и выше. В Да Ли Си таким был только главный судья.

- Кто ты и в чем твоя жалоба? Есть ли письменное заявление? – спросил Цю Ибо.

Молодой человек поднял голову и злобно ответил:

- Этот простолюдин - Лу Фэй. Письменного заявления нет.

Цю Ибо махнул рукой, давая знак писцу помочь составить заявление для оформления дела.

- Лу Фэй, в чем твоя обида и на кого ты жалуешься? Говори.

Он взглянул вниз: вопрос был формальным, но писец уже записал суть жалобы... На кого? На судью Да Ли Си Цю Ибо...

Тем временем Лу Фэй громко заявил:

- Этот простолюдин Лу Фэй обвиняет судью Да Ли Си Цю Ибо в пренебрежении человеческими жизнями и убийстве невинных!

В зале воцарилась тишина.

Лу Фэй едва мог сидеть на коленях, но его глаза, полные ненависти, были устремлены на Цю Ибо.

Цю Ибо кивнул, перечитал запись писца и только тогда понял суть обвинения. Он не торопился отвечать, сначала тщательно обдумал: он же полгода никого не убивал? В последний раз разве что во дворце Вэйхэ? Он передвигался только в повозке, сопровождаемый слугами, которые расчищали дорогу и вели лошадей шагом. Когда он успел кого-то убить?

Забавно. Это же классическое «Кто осмелился обвинить меня?». Жаль, что сначала спросил имя, не получится произнести эту фразу. Цю Ибо даже почувствовал легкое разочарование.

Он не стал скрывать улыбку и приказал писцу записывать каждое слово:

- Где доказательства?

Лу Фэй выкрикнул:

- Свидетель - я! Вчера я видел, как ты дал моему младшему брату несколько кусков хлеба, и после этого он умер!

Цю Ибо помолчал, затем спросил у секретаря:

- Господин Юй, мне нужно выйти?

Ему казалось странным оставаться на месте судьи.

Писец тихо ответил:

- Нет необходимости, ваша честь может оставаться на месте.

Цю Ибо спросил:

- Значит, Лу Фэй, ты обвиняешь меня в отравлении твоего брата?

- Да!

- Вчера я действительно дал нищему несколько кусков хлеба. Это был твой брат?

- Да.

- Он умер от отравления? Чем?

- Я уже проверил у врача - это был сулема.

Цю Ибо постучал пальцами по столу:

- То есть я специально купил хлеб на улице, добавил сулему и намеренно отравил нищего?

Лу Фэй повторил:

- Да.

- Зачем мне это? - спросил Цю Ибо.

Лу Фэй усмехнулся:

- Я тоже хочу спросить, ваша честь. Мой младший брат не сделал вам ничего плохого, зачем вы его убили?

В зале раздался смех. Лу Фэй огляделся с недоумением, в глазах мелькнула злоба:

- Чему вы смеетесь?!

Цю Ибо тоже смеялся:

- Они смеются над тем, что если бы я хотел убить нищего - будь то из-за неприязни или потому что он меня обидел - зачем мне было бы травить его?

Он был аристократом, чиновником, обладателем ученой степени. Чтобы убить нищего, зачем травить? Можно было просто придумать обвинение и приказать избить до смерти. Нищий ведь - кто о нем вспомнит?

Насмеявшись, Цю Ибо внезапно стал серьезным:

- Говори правду. Кто подстрекал тебя оклеветать меня?

Лу Фэй закричал:

- Никто! Это ты, собака-чиновник, убил моего брата!

Он попытался броситься на Цю Ибо, но слуги сразу же скрутили его.

Цю Ибо достал табличку из коробки:

- Бить по лицу, пока не научится говорить как следует.